

RU

Языковая репрезентация категории оппозиции в народных и литературных версиях сказки о Белоснежке

Соловьева Н. В.

Аннотация. Цель исследования заключается в определении сходств и отличий в реализации категории оппозиции в народных и литературных сказочных текстах. В статье сопоставляются две народные и три литературные версии сказки, объединенные сюжетным и композиционным сходством. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится сопоставительное исследование корпуса оппозиций в сказочных текстах разного генезиса. Категория оппозиции рассматривается как универсальная языковая категория, обеспечивающая связность и логичность сказочного повествования. Подтверждается, что антонимичные единицы представлены на разных уровнях языковой системы и не ограничиваются узуальными противопоставлениями, образуя контекстуальные и потенциально реализуемые оппозиции. Выделены обобщенные родовые и частные видовые оппозиции, реализующиеся на разных уровнях языка и расположенные в пределах диктемы или гипердиктемы. В результате анализа установлено, что языковая реализация оппозиций и их контекстное расположение в значительной степени обусловлены авторством текста. Народным сказкам свойственны узуальные лексические, грамматические и синтаксические противопоставления, расположенные в пределах одной или нескольких диктем, тогда как авторы литературных версий широко используют контекстуальные и потенциальные противопоставления, отдавая предпочтение контактному расположению единиц-оппозитивов.

EN

Linguistic representation of the category of opposition in folk and literary versions of the tale of Snow White

N. V. Solovyeva

Abstract. The purpose of the study is to identify similarities and differences in the implementation of the category of opposition in folk and literary fairy-tale texts. The article compares two folk and three literary versions of the fairy tale, united by plot and compositional similarities. The scientific novelty lies in the fact that for the first time a comparative study of the corpus of oppositions in fairy-tale texts of different genesis is being conducted. The category of opposition is considered as a universal linguistic category that ensures the coherence and consistency of a fairy tale narrative. It is confirmed that antonymous units are represented at different levels of the language system and are not limited to conventional oppositions, forming contextual and potentially realizable oppositions. Generalized generic and particular category oppositions are identified, which are realized at different levels of language and located within a dicteme or hyperdicteme. As a result of the analysis, it was found that the linguistic implementation of oppositions and their contextual location are largely determined by the authorship of the text. Folk tales are characterized by common lexical, grammatical and syntactic oppositions located within one or more dictums, whereas the authors of literary versions widely use contextual and potential oppositions, preferring the contact arrangement of oppositional units.

Введение

Настоящее исследование представляет собой сопоставительный анализ вариантов сказок, сюжетно напоминающих немецкую сказку о Белоснежке: народных шотландских сказок “Gold-Tree and Silver-Tree” и “Lassair Gheug, the King of Ireland’s Daughter”, литературных версий “Snow, Glass, Apples” Нила Геймана, “Snow White” Джеймса Финна Гарнера и “Snow White” Филипа Пулмана. Выбор текстов для анализа обусловлен рядом причин: 1) очевидным сходством сюжета при том, что в литературных версиях сюжет подвергается разной степени трансформации; 2) тем, что и народные сказки, и литературные версии могут быть отнесены к текстам малой формы, народно-поэтической и прозаической соответственно; 3) наличием черт «сказочного

стиля» (термин Р. М. Волкова), проявляющихся в каждом из произведений; 4) наличием языкового проявления категории оппозиции, которую мы считаем универсальной категорией, присущей сказочному тексту, вне зависимости от его генезиса.

Актуальность работы обусловлена, во-первых, материалом исследования (в период с начала XX века и до настоящего времени было снято более 20 фильмов и мультфильмов, поставлено 2 балета, выпущены литературные произведения и комиксы, в которых угадывается история Белоснежки); во-вторых, необходимостью определить, до какой степени языковая репрезентация категории оппозиции как универсальной категории текста зависит от коллективного или индивидуального авторства.

Достижение обозначенной в аннотации цели исследования предполагает решение следующих задач:

- 1) установить типологию оппозиций, представленных в рассматриваемых текстах;
- 2) выявить средства реализации оппозиций и особенности их использования в народных и литературных сказочных текстах;
- 3) сопоставить типологические и структурные особенности языковых оппозиций и установить их сходства и отличия в текстах разного генезиса.

Теоретической базой исследования послужили публикации в области изучения отношений противоположности: анализировались определения понятия противоположности в работах Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (2022), Л. А. Новикова (2001), М. Р. Львова (2021), Дж. Лайонза (2013), Дж. Брун де Гаравито и Дж. В. Швейтера (Bruhn de Garavito, Schweiter, 2021), А. Круза (Cruse, 2011) и классы единиц-оппозитивов (Jones, 2003); рассматривались понятие антонимического контекста и возможность его причисления к одному из критериев антонимичности (Алехина, 1982); изучались работы, посвященные лексической антонимии (Краснов, 1987), грамматической антонимии (Боева-Омелечко, 2013). Исследования лингвофольклорной направленности охватывают проблемы сказочной морфологии (Пропп, 2023), жанровые особенности сказочного текста (Бога-тырева, 2019; Меркурьева, Чебаненко, 2019; Цикушева, 2008) и эволюцию жанра (Opie, Opie, 1980; Zipes, 2011); мифологемы и символы, обнаруживающиеся в текстах сказок (Захарова, Олянич, 2015; Jacobs, 2019).

В качестве материала исследования были выбраны:

- шотландская народная сказка “Gold-Tree and Silver-Tree”, опубликованная английским фольклористом Дж. Джейкобсом в сборнике сказок “Celtic Folk and Fairy Tales” (Jacobs J. Celtic Folk and Fairy Tales. L.: Arcturus, 2022);
- шотландская народная сказка “Lasair Gheug, the King of Ireland’s Daughter”, включенная А. Дж. Бруфордом в сборник “Scottish Traditional Tales” (Bruford A. J. Scottish Traditional Tales. Edinburgh: Birlinn Limited, 2014);
- литературная версия Ф. Пулмана “Snow White”, вошедшая в сборник сказок “Grimm Tales: For Young and Old” (Pullman Ph. Grimm Tales: For Young and Old. L.: Penguin Books Ltd., 2020);
- литературная версия Н. Геймана “Snow, Glass, Apples” (Gaiman N. Smoke and Mirrors. L.: Headline, 2019), представляющая собой образец деконструированного повествования;
- литературная версия Дж. Ф. Гарнера “Snow White”, опубликованная в сатирическом сборнике “Politically Correct Bedtime Stories” (Garner J. F. Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales For Our Life and Times. L.: Souvenir Press, 2021).

В качестве справочного материала были задействованы следующие издания:

- Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: РАН, ИНИОН, 2001;
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Мир и образование, 2022;
- Encyclopedia Britannica. <https://www.britannica.com/art/fairy-tale>;
- Zipes J. The Oxford Companion to Fairy Tales. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Специфика объекта и предмета исследования, а также поставленных в работе задач обусловила привлечение нескольких методов:

- 1) описательного метода, позволившего охарактеризовать формально-структурные и содержательные характеристики единиц, связанных отношениями противоположности;
- 2) оппозитивного метода, при помощи которого единицы, вступающие в отношения противоположности, были отнесены к узואальным, контекстуально обусловленным, потенциальным, не получившим эксплицитного языкового выражения, грамматическим или синтаксическим;
- 3) приема количественных подсчетов для определения превалирующих групп противопоставленных единиц в рассматриваемых текстах.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения проанализированных материалов и полученных результатов исследования в практике преподавания лекционных курсов по лексикологии, лингвистике текста, лингвокультурологии, при чтении спецкурсов по лингвофольклористике и основам этнолингвокультурологического анализа, в процессе подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ, докладов в рамках научно-исследовательской работы студентов. Предложенный оппозитивный метод, задействованный нами для изучения народных и литературных сказочных текстов, может быть применен для анализа текстов иных жанров.

Обсуждение и результаты

В энциклопедии “Britannica” сказкой (fairy tale; magic tale, wonder tale) называется повествование о чудесных явлениях и событиях (Encyclopedia Britannica). Это определение созвучно мнению А. и П. Опи, полагающих,

что «достоинство сказок состоит в том, что, выходя за рамки возможного, они расширяют наш повседневный кругозор» (Ориэ, Ориэ, 1980, р. 16).

В отличие от несказочной прозы, сказка – это «нарочитая и поэтическая фикция» (Пропп, 2023, с. 37), подразумевающая: нереальность событий, наполненных правдоподобными деталями; развлекательный и в то же время поучительный характер; отражение этнически-специфических особенностей жизни людей при интернациональности большинства сюжетов; контраст между действительностью и мечтой, который может быть преодолен (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 990).

Сказка – это система жанров и жанровых разновидностей, в самом общем виде представленная сказками о животных; волшебными сказками, основанными на чудесном вымысле; бытовыми сказками (анекдотическими и новеллистическими), в основе вымысла которых лежит народный повседневный быт; этиологическими сказками, повествующими о сотворении мира; докучными сказками – короткими пародиями на сказочное повествование (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 992). Следует заметить, что типология жанровых разновидностей сказок национально-специфична: в русской сказочной традиции представлены богатырские сказки, тогда как в фольклоре Британских островов бытуют сказки о великанах.

С одной стороны, сказке свойственна универсальность, поскольку она обращается к общечеловеческим ценностям; с другой стороны, сказка передает этническую специфику благодаря языку, на котором она повествуется (Богатырева, 2019, с. 176). Согласно миграционной теории, сказочные сюжеты представляют собой сложные схемы, в образности которых отразились действия человека в конкретных культурно-исторических обстоятельствах. Эти схемы, содержательно не меняясь, переходят по наследству от поколения к поколению, странствуя между народами. Приверженцы теории самозарождения сюжетов объясняли их сходство похожестью первобытнообщинных верований и обрядов. По мнению А. Н. Веселовского, крупнейшего представителя миграционной школы, миграционная теория и теория самозарождения сюжетов не противоречат друг другу: первая занимается исследованием заимствования сложных сюжетов как проявления культурного взаимодействия народов; вторая анализирует появление сказочных мотивов – простых сюжетных единиц (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 100).

Анализируя социальную природу сказки, Дж. Ципес приходит к выводу о превращении народной сказки из повествования, содержащего жизненно важную для человека информацию, в повествование, способствующее культурной эволюции целых социальных групп (Zipes, 2011, р. 221). В настоящее время сказка о Белоснежке относится, на наш взгляд, к так называемым трансмедийным повествованиям (Альгави, 2020, с. 21), поскольку фрагменты истории транслируются посредством разных каналов (литературные произведения, комиксы, фильмы, сериалы, видеоклипы, театральные постановки) и каждый из каналов вносит уникальный вклад в раскрытие рассказываемой истории.

Принципиальное отличие литературной сказки от фольклорной, по мнению В. Б. Меркурьевой и Е. В. Чебаненко (2019, с. 114), заключается в выраженном авторском отношении к событиям и героям. Помимо упомянутого отличия, следует добавить отличие по форме повествования, разнообразие сюжетов, свидетельствующее о более тесной связи с реальной действительностью, отличие по композиционному оформлению и языковому наполнению (Соловьева, 2019, с. 84).

Одним из направлений в создании авторских сказок становится деконструкция канонических сказочных сюжетов, предполагающая включение известного явления в новый контекст. Как утверждается в энциклопедии “The Oxford Companion to Fairy Tales”, деконструированные сказки (fractured fairy tales) представляют собой версии традиционных сказок, переработанные с целью создания новых сюжетов, передающих актуальные для современника социальные и нравственные смыслы (Zipes, 2015, р. 179). В результате деконструкции тексты народных сказок лишаются ряда характерных черт: торжество добра и счастливое завершение истории не обязательны, поскольку новые герои эгоцентричны и стремятся прежде всего к личной выгоде; поэтика сказочных повторов, смысловые и структурные оппозиции в тексте могут нарушаться; мотив инициации часто утрачивается; происходит актуализация игрового, пародийного начала.

Считаем необходимым разграничить индивидуально-авторские сказки и фольклорно-литературные версии сказок. Первые представляют собой самостоятельные произведения, которые «не только в сюжетном отношении ничем не повторяют фольклорную сказку, но даже черпают образный материал из литературных или иных фольклорных источников» (Цикушева, 2008, с. 22). Во вторых, опирающихся на сюжет сказки-источника, угадываются черты традиционного сказочного повествования, но они подвергаются существенной трансформации.

Сюжет и образы в сказке, как народной, так и литературной, выстраиваются диалектически, причем основным противопоставлением, пронизывающим народное, национальное мироощущение, становится противопоставление «свой – чужой». На эту оппозицию наслаиваются пространственно-временные и ценностные противопоставления, получающие языковое и речевое выражение. По мнению Н. Б. Боевой-Омелечко (2013, с. 110), противопоставление разноуровневых языковых единиц, высказываний и сверхфразовых единств способствует продвижению сюжета и эксплицирует динамику развития мысли.

Противопоставления в текстах сказок могут быть разделены на:

- 1) родовые противопоставления, характеризующиеся высокой степенью обобщения и распространяющиеся на весь класс объектов (пространственно-временные противопоставления; противопоставления персонажей неволшебной природы; противопоставления персонажей волшебной природы; противопоставления волшебного персонажа, артефакта или явления неволшебному персонажу, артефакту или явлению);
- 2) видовые противопоставления, в которых эксплицируются дифференциальные признаки персонажей, артефактов или явлений одного рода, позволяющие их разграничить (Соловьева, 2019, с. 113-119).

И родовые, и видовые противопоставления получают языковое воплощение благодаря лексическим, грамматическим и синтаксическим антонимам, употребленным в антонимическом контексте, под которым понимается любой вид контекста с противопоставленными языковыми единицами. Контактное парное использование единиц-оппозитивов не считается обязательным: они могут располагаться контактно в составе одного предложения, входящего в диктему (термин М. Я. Блоха, обозначающий тематизирующую единицу текста), или дистантно, в разных предложениях, выступающих семантическими вершинами сегментных единств в пределах диктемы. Заметим, что отношения противоположности не ограничиваются пределами одной диктемы, они могут связывать единицы в пределах гипердиктемы, объединяющей несколько диктем, или выходить на уровень текста. Вышеизложенное позволяет утверждать, что категория оппозиции наряду с категориями когезии и когерентности обеспечивает связность текста.

Согласно указателю сюжетов фольклорной сказки Аарне – Томпсона – Утера, немецкая сказка “Schneewittchen (Snow White)” относится к фольклорному мотиву ATU 709 (Types of International Folktales and ATU Numbers. <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:oaks.nvg.org/uther.html>) и повествует о злой мачехе, стремящейся избавиться от падчерицы, погрузив ее в зачарованный сон. По утверждению Дж. Джейкобса, в сюжет сказки о Белоснежке вплетено несколько «более примитивных» фольклорных мотивов (Jacobs, 2019, p. 261). Так, в немецкой сказке «Пряничный домик» / «Ганзель и Гретель» мачеха избавляется от неродных детей, заставив мужа отвезти их в лес (мотив ATU 327); в немецкой сказке «Спящая красавица» принцесса, укуловшись заколдованным веретеном, погружается в глубокий сон, от которого ее может пробудить прекрасный принц (сюжет ATU 410). Параллели с мотивами перечисленных выше сказок обнаруживаются и в русской сказке «Волшебное зеркальце»: купеческая дочь становится жертвой оговора и, покинув дом, находит приют в белокаменном дворце, стоящем в чаще леса; купец тем временем женится, мачеха узнает о существовании прекрасной падчерицы и пытается избавиться от нее, погрузив ее в сон при помощи отравленных предметов; разбудить купеческую дочь может только влюбленный царевич.

Шотландские народные сказки “Gold-Tree and Silver-Tree” и “Lasair Gheug, the King of Ireland’s Daughter” можно отнести к фольклорному мотиву ATU 709. Произведение Ф. Пулмана представляет собой фольклорно-литературный пересказ немецкой народной сказки, сохраняющий сюжет первоисточника и не представляющий собственную интерпретацию на тему. Н. Гейман деконструирует немецкую народную сказку, предлагая читателю откровенную и мрачную версию истории о Белоснежке. Дж. Ф. Гарнер переписывает сказку политически корректным языком, заменив единицы, потенциально задевающие чувства читателей, на нейтральные и эвфемистические.

Шотландская народная сказка “Gold-Tree and Silver-Tree”, включенная Дж. Джейкобсом в сборник “Celtic Folk and Fairy Tales”, содержит отличия от немецкой сказки в части сюжета. Сам Дж. Джейкобс высказывает сомнения относительно происхождения сказки: по предположению фольклориста, факт многоженства в сказке свидетельствует о том, что сюжет относится к «странствующим» и был заимствован у культуры, в которой многоженство считалось приемлемым, в отличие от Британских островов (Jacobs, 2019, p. 280). В противоречие с этим предположением вступает другая сюжетная особенность: в шотландской сказке вместо волшебного артефакта – зеркала – фигурирует рыба (Troutie «Маленькая форель», bonnie little fellow «милый дружок»). По мнению А. С. Захаровой и А. В. Олянича (2015, с. 84), рыба – древний кельтский символ, значение которого связывается со знанием, мудростью, вдохновением и пророчеством. Мифологема рыбы полифункциональна: она служит знаком познания окружающего мира и наличия этнических ценностей, способна называть реальность и удовлетворять потребность в прекрасном. В комментарии к тексту сказки Дж. Джейкобс отмечает, что для кельтского фольклора типична замена волшебных артефактов на натурфакты, как правило, представляющие водную стихию (Jacobs, 2019, p. 280). Имена героинь, на наш взгляд, так же значимы: золото ценится выше, чем серебро, а плоды древа познания добра и зла могут принести и пользу, и вред в зависимости от намерений человека.

В сказке обнаруживаются все свойственные сказочному стилю черты: 1) мотив убийства принцессы собственной матерью, позавидовавшей ее красоте, повторяется трижды с незначительными вариациями; 2) прием наращивания эффекта обеспечивается за счет последовательного расположения эпизодов покушения, причем каждый новый эпизод драматичнее предыдущего: принцесса спасается, обманув королеву-мать и сбегав; принцессе не удается спастись, ее палец пронзает отравленный шип, и она засыпает; на пробудившуюся принцессу снова покушается королева, приготовившая отравленный напиток; 3) параллелизм типов: торжество невинно гонимой над кознями врагов – наказание врагов невинно гонимой; 4) наличие традиционных сказочных формул зачина и окончания сказки (*Once upon a time...* / «Однажды, давным-давно»; *The prince and his two wives were long alive after this, pleased and peaceful. I left them there* (Jacobs, 2022, p. 93). / «Принц и две его жены жили еще долго, довольные и умиротворенные. Там я их и оставил» (здесь и далее – перевод автора. – Н. С.)); 5) неопределенность временных и пространственных координат.

В тексте сказки содержатся 15 антонимических контекстов, в которых представлены узуальные лексические, грамматические и синтаксические оппозиции, создающие окружение для актуализации потенциально противопоставленных сем у языковых единиц, формально не относящихся ни к одному из типов антонимов, но способных выражать контраст в пределах конкретной речевой ситуации. Оппозиций, в которых принцесса и королева противопоставляются по внешности или характеру, нами не обнаружено. Текст пронизывают противопоставления, отражающие изменение в состоянии и поведении одного персонажа (*fall ill – rise well* «заболеть – оправиться от болезни», *rise alive – fall dead* «ожить – упасть замертво») или противоположно направленные действия двух не конфликтующих персонажей (*put a poisoned stub – take out a poisoned stub* «положить в рот отравленный кусочек – вынуть изо рта отравленный кусочек»).

В эпизоде с болезнью королевы используется лексическая оппозиция: *...his wife fell ill ...and she rose well and healthy* «его жена заболела... она выздоровела». В рамках этой же диктемы встречаются синтаксические оппозиции, реализующиеся благодаря отрицательному наречию *never* в первом случае и отрицательной частице *not* в сочетании с семантически гипотетичности действия во втором случае: *I shall never be well again... I shall be well* (Jacobs, 2022, p. 89). / «Я никогда не поправлюсь... Я обязательно поправлюсь»; *...there is nothing at all which I could do for you that I would not do* (Jacobs, 2022, p. 89). / «...нет ничего такого, что я мог бы сделать для тебя, чего бы я не сделал». Результаты анализа показывают, что синтаксические оппозиции преобладают в тексте рассматриваемой сказки: *she will kill me – she shall not kill you* «она убьет меня – она не убьет тебя», *I will go away – you shall not go away* «Я уйду – ты не уйдешь». Узуальные лексические оппозиции тоже могут включать отрицательную частицу *not*: *she is not alive – she is not dead* «она не жива – она не мертва».

Интерес представляют потенциально противопоставленные элементы, включающиеся в оппозицию благодаря союзу *but*: *...he did not bury her at all, but he locked her in a room where nobody would get near her* (Jacobs, 2022, p. 91). / «...он не похоронил ее, а закрыл в комнате, где никто бы не смог приблизиться к ней». Как следует из приведенного примера, в определенном контексте единицы, которые невозможно трактовать как противоположные, исходя из их значений, образуют противопоставление. Другой пример неочевидного противопоставления обнаруживаем в репликах, которыми королева обменивается с волшебной рыбкой: *“Oh! well, it is long since she was living.” – “Oh! indeed she is not dead”* (Jacobs, 2022, p. 90). / «О! что ж, ее давно уже нет в живых» – «О! на самом деле она не умерла». В предложениях содержатся антонимичные лексемы *dead – living* «мертвый – живой», при этом противопоставление осложнено наличием антонимичных видовременных форм глагола *is – was* «является – была» и отрицательной частицы *not*, предшествующей одному из лексических антонимов. На наш взгляд, следует интерпретировать значение оппозитива как целостной единицы: *it is long since she was living* «ее давно уже нет в живых» подразумевает *she is dead* «она мертва».

Шотландская народная сказка “Lasair Gheug, the King of Ireland’s Daughter” из сборника “Scottish Traditional Tales” отличается от сказки “Gold-Tree and Silver-Tree” и по сюжету, и по представленным в ней оппозициям. Место действия определено в названии – события разворачиваются в Ирландии. Главная героиня именуется *Lasair Gheug / Flame of Branches – Пламя ветвей* на гэльском. В сказке есть и другое гэльское вкрапление: ведьма, которая подстрекает королеву к убийству падчерицы, именуется *Eaclach Urlair* (Creepier on the Floor «Змея подколотная», Trouble-the-House «Беда в доме»). Это часто встречающийся в кельтском фольклоре персонаж, живущий вблизи королевских замков и оказывающий их обитателям услуги магического свойства.

К сходствам со сказкой “Golden-Tree and Silver-Tree” можем отнести: 1) ретардацию сказочного повествования: и мотив попытки убийства принцессы, и мотив разоблачения королевы повторяются трижды; 2) параллелизм типов невинно гонимой падчерицы и ее врага – мачехи-королевы; 3) наличие традиционных формул зачина и концовки.

Количество антонимических контекстов в “Lasair Gheug, the King of Ireland’s Daughter” выше, чем в “Golden-Tree and Silver-Tree” (27 и 15 соответственно), что объясняется большим объемом текста. Содержательно противопоставления похожи: мы обнаруживаем родовую оппозицию неволшебных персонажей, реализуемую в основном за счет видового противопоставления изменившегося состояния или действий одного и того же персонажа (*alive – dead* «живой – мертвый»; *whether to laugh or cry* «смеяться или плакать»); родовая пространственно-временная оппозиция представлена видовыми оппозициями отрезков времени (*early – late* «рано – поздно»), местоположения (*here – there* «здесь – там», *here – at home* «здесь – дома») и направлений движения (*come out – go into* «выйти – войти»; *went in at one door of the church and out at the other door* «вошел в одну дверь церкви и вышел через другую»; *climbed up and brought her down* «забрался вверх и спустил ее вниз»).

Количество узуальных лексических оппозиций невелико. Грамматические оппозиции представлены видовременными формами глаголов (*she was as well as she had ever been* «она была так же здорова, как и прежде (была)»; *she is, and will be* «она есть и будет»). Синтаксические оппозиции сочетаются с грамматическими, объединяя противопоставленные видовременные формы с отрицательной частицей *not* и противительным союзом *but*: *They expected that my father would kill me, but my father has not killed me yet* (Bruford, 2014, p. 102). / «Они ожидали, что мой отец убьет меня, но мой отец еще не убил меня».

В рамках одного контекста наблюдаем множественность противопоставлений: *...you came here with a monster... and you will go home with a wife* (Bruford, 2014, p. 106). / «...ты приехал сюда с чудовищем... а уедешь домой с женой». В приведенном примере противопоставленные видовременные формы антонимичных глаголов движения *came – will go* «приехал – уедешь» в сочетании с межчастеречной оппозицией *here – home* «здесь – дома» создают условия для восприятия лексем *monster – wife* «чудовище – жена» как контекстуальных антонимов. Аналогичный пример содержится в следующем контексте: *They had been bewitched by his stepmother, and now the spell was loosed* (Bruford, 2014, p. 102). / «Они были заколдованы мачехой, но чары утратили силу». Видовременные формы глаголов, выражающие противопоставление предпринятого и прошедшего временных планов, сочетаются с лексико-фразеологической оппозицией *bewitch – loose spell* «заколдовать – расшеять чары».

Изучение текста сказки “Snow White” в изложении Ф. Пулмана позволяет утверждать, что это наиболее близкая к традиционному сказочному стилю версия. Автор использует формулу зачина *One winter’s day* «Однажды зимним днем», тем самым подчеркивая временную неопределенность. Герои обозначаются *the king* «король», *the queen* «королева», и только принцесса получает прозвище *Little Snow White* «Маленькая Белоснежка». Прием утроения сказочных мотивов сохранен, более того, семикратные повторения наблюдаются в действиях и словах гномов. Отличия версии Ф. Пулмана от канонического повествования заключаются прежде всего в широком

использовании образных средств и подробных описаниях объектов. В тексте сказки содержится 32 антонимических контекста, в рамках которых актуализируются видовые противопоставления, входящие в родовое противопоставление неволшебных персонажей и родовое пространственно-временное противопоставление.

Ф. Пулман прибегает к сравнениям для описания внешности и состояния Белоснежки и организует их в лексико-фразеологические и фразеологические оппозиции: *a child as white as snow, and as black as the wood in the window frame* «ребенок, белый как снег, с волосами черными, как дерево оконной рамы»; *alive – as dead as a doornail* «живой – мертвый окончательно и бесповоротно». Оппозиция *as white as snow* «белый, как снег», *as black as ebony* «черноволосый, как черное дерево» проходит через все повествование, к этому описанию обращается мать, а затем и мачеха Белоснежки. Лексико-фразеологическая оппозиция передает погружение героини в сон и пробуждение: *(be) senseless – come to life* «(упасть) без чувств – вернуться к жизни». Подробным образом описывается жилище гномов, где принцесса находит приют, причем используются преимущественно контекстуальные оппозиции, образующиеся благодаря противительному союзу *but*: *small but neat and clean* «маленький, но опрятный и чистый (о доме)»; *it was too big... but it was too short* «одна оказалась слишком большой... другая оказалась слишком короткой (о кровати)».

Временные оппозиции выражаются узуальными (*day – night* «день – ночь», *morning – evening* «утро – вечер») и контекстуальными антонимами (*the light – the evening* «свет – вечер»). Пространственные оппозиции передают направление движения (*dig into – pull out* «порыться – вытащить», *go – stay away* «идти – держаться подальше», *tramp off – come back* «уходить – возвращаться», *tiptoe up the stairs – tiptoe downstairs* «подниматься на цыпочках – спускаться на цыпочках»). В сказке содержится пример, объединяющий видовую пространственную оппозицию по направлению движения и видовую пространственную оппозицию, противопоставляющую местонахождение: *I'll run away into the wild woods and never come home again* (Pullman, 2020, p. 119). / «Я убегу в лесную чащу и никогда больше не вернусь домой». И в народных сказках, и в версии Ф. Пулмана дом как «свое» пространство таит опасности для героини, тогда как лес как «чужое» пространство защищает.

Диапазон грамматических оппозиций широк и представлен противопоставлением сем реальности и гипотетичности (*she is – she might be* «она является – она могла бы быть»), оттенков модальности (*couldn't have lied – must have deceived* «не могла солгать – должно быть, обманула»), видовременных форм в сочетании с синтаксическим элементом оппозитивности – частицей *not* (*is – will not be* «есть – не будет»). В тексте содержатся синтаксические оппозиции, образованные благодаря отрицательной частице (*could breathe – could not breathe* «могла дышать – не могла дышать», *didn't look like she did* «не выглядела так, как выглядела прежде»).

В сатирической версии “Snow White”, написанной Дж. Ф. Гарнером, родовые оппозиции представлены противопоставленными персонажами неволшебной природы: во-первых, мачеха-королева противопоставляется падчерице Белоснежке; во-вторых, противопоставлениями характеризуются изменяющиеся состояние и действия персонажей; в-третьих, Белоснежка и ее мачеха как представительницы женского пола противопоставлены семи гномам как представителям мужского пола. Отметим отсутствие пространственно-временных противопоставлений: в тексте нет конкретных указаний на время и место событий, дворец и лес как места жительства королевской семьи и гномов упоминаются, но не противопоставляются как «свое» и «чужое» пространство. Реальное и чудесное тоже не образуют контраст: у королевы нет магических способностей, гномы представляются практичными людьми карликового роста, намеревающимися извлечь выгоду из отравления Белоснежки, сделав ее туристической достопримечательностью.

Частные видовые оппозиции актуализируются в 36 антонимических контекстах и содержат указания на пол, внешность, возраст и действия персонажей. Белоснежка молода, привлекательна, сострадательна (*young* «молода», *not at all unpleasant to look at* «на вид совсем не противная», *had a temperament that many found to be more pleasant than most other people's* «ее характер многие находили более приятным, чем у большинства людей»). Автор подчеркивает, что в самом прозвище содержится дискриминационное указание на положительные черты характера: *Her nickname was... indicative of the discriminatory notions of associating pleasant or attractive qualities with light, and unpleasant or unattractive qualities with darkness* (Garner, 2021, p. 51). / «Ее прозвище... выражало дискриминационные представления о том, что приятные или привлекательные качества ассоциируются со светом, а неприятные или непривлекательные – с темнотой». Отметим контактное расположение лексических узуальных антонимов *light – darkness* «свет – тьма» и грамматических антонимов *pleasant – unpleasant* «приятный – неприятный», *attractive – unattractive* «привлекательный – непривлекательный», обеспечивающих антонимическую насыщенность диктемы.

Королева нуждается в подтверждении собственной привлекательности (*insecure* «неуверенная в себе», *in need of support* «нуждающаяся в поддержке»), она немолода (*chronologically gifted* «богата годами»), завистлива, испытывает перепады настроения, обозначенные потенциальными и лексико-фразеологическими оппозициями (*gleeful* «ликующая» – *feeling alternating waves of envy and self-revulsion* «испытывающая сменяющие друг друга зависть и отвращение к самой себе»; *rejoiced* «ликовала» – *flew into a rage* «приходила в ярость»). Зеркало убеждает королеву, что ее красота меркнет на фоне более привлекательной падчерицы, но противопоставление выражено имплицитно: *Your beauty is the fairest to be seen* «Прекраснее тебя нет никого на свете» – *Snow White has surpassed you, cutie* «Белоснежка красивее тебя, дорогуша», т. е. *Your beauty is no longer the fairest to be seen* «Есть на свете и те, кто прекраснее тебя».

В тексте сказки содержатся синтаксические противопоставления, в которых оппозиция формируется благодаря союзу *but*: *Your weight is perfect for your shape and height, but for sheer OOOOMPH!, you can't beat Snow*

White (Garner, 2021, p. 60). / «Ваш вес идеально соответствует вашей фигуре и росту, но по красоте вам не сравниться с Белоснежкой». Королева и сама указывает Белоснежке на контраст во внешности: *You're so young and beautiful... and I'm horrible to look at* (Garner, 2021, p. 62). / «Ты так молода и красива, а на меня посмотреть страшно». Противопоставление актуализируется благодаря единицам, в значении которых содержатся потенциально противоположные семы: *young and beautiful = attractive – horrible to look at = unattractive*.

Родовая оппозиция между персонажами неволшебной природы – королевой и Белоснежкой – актуализируется последовательно на диктемном, гипердиктемном и текстовом уровнях. В начале сказки их отношения характеризуются как прохладные, вряд ли способные измениться в лучшую сторону: *a cold distance remained between them* «их отношения оставались прохладными», *the chance to form a strong bond of sisterhood had long passed* «возможность стать по-настоящему близкими, как сестры, была давно упущена». В конце сказки, благодаря доброму отношению и помощи Белоснежки, персонажи становятся друзьями: *Snow White and the queen became good friends...* (Garner, 2021, p. 67). / «Белоснежка и королева стали добрыми друзьями».

Противопоставление гномов и Белоснежки реализуется за счет узуальных лексических антонимов: *...primitive masculine identities... your corrupting feminine presence* (Garner, 2021, p. 56). / «...примитивная мужская сущность... развращающее женское присутствие». Восприятие гномами собственной внешности значительно отличается от восприятия Белоснежки и выражается единицами с потенциально контрастообразующими семами: *Seven Towering Giants – seven bearded, vertically challenged men* «Семь Возвышающихся Великанов – семь миниатюрных бородатых мужчин». Появление героини угрожает привычному укладу жизни гномов: *She'll disrupt our strong bond of brotherhood and create competition among us* (Garner, 2021, p. 54). / «Она разрушит наши крепкие братские узы и станет причиной соперничества между нами». Приведенный пример насыщен контекстуальными оппозициями.

В версии Н. Геймана расстановка сил кардинально меняется: воплощением зла становится принцесса, а ее мачеха-королева выступает в роли жертвы. В отличие от народных сказок, повествование ведется от лица героини – королевы, нам представляется ее версия событий. Произведение насыщено противопоставлениями, нами обнаружено 48 антонимических контекстов, большинство из которых находятся в пределах одной диктемы. Обобщенное родовое противопоставление реализуется двумя персонажами волшебной природы: королевой, обладающей магическими способностями и использующей их на благо своего народа, и принцессой-вампиром. Видовые противопоставления характеризуют прежде всего изменения во внешности и поведении героев.

Королева описывает себя при помощи оппозиции, в которой подразумеваемая отрицательная частица *not* заменяется прилагательным *far*: *They call me wise, but I am far from wise* (Gaiman, 2019, p. 371). / «Меня называют мудрой, но это далеко не так». Противопоставление усиливается благодаря противительному союзу *but*, т. е. в антонимическом контексте происходит наложение потенциально противоположных единиц *wise – far from wise* на синтаксическую оппозицию.

Отношение королевы к падчерице меняется, что выражается межчастеречными антонимами: *I had been frozen – I warmed to her* «я держалась отстраненно – я прониклась к ней теплой». Действия королевы передаются контактно расположенными грамматическими антонимами: *I shall think no more on this. I shall think instead of the snowflake on her cheek* (Gaiman, 2019, p. 384). / «Я не буду больше думать об этом. Вместо этого я буду думать о снежинке на ее щеке».

Изменения во внешности короля, ставшего жертвой дочери-вампира, описываются при помощи контекстуальных и потенциальных оппозиций: *his beard so red, his hair so gold, his eyes the blue of a summer sky – his eyes milky-blue, his hair and beard faded and lustreless* «у него такая рыжая борода, такие золотые волосы, такие голубые, как летнее небо, глаза – молочно-голубые глаза, волосы и борода выцветшие и лишённые блеска». Печаль королевы, вызванная утратой супруга, подчеркивается автором при помощи грамматической оппозиции с частицей *not*: *I knew him not as a king... but as my love* (Gaiman, 2019, p. 373). / «Для меня он был не королем... он был любимым».

Принцессе не дают имя или прозвище, на протяжении всего повествования королева называет ее «she», часто обращаясь к описанию внешности падчерицы: *eyes black as coal* «глаза, черные, как уголь», *raven hair* «волосы цвета вороного крыла», *whiteness of her skin* «белизна ее кожи», *snow-white skin* «белоснежная кожа». Предполагаем, что цвет глаз принцессы символизирует опасность, которую она представляет для окружающих. Только ее уничтожение позволяло королеве и подданным почувствовать себя спокойно: *I would not close my eyes until the princess was ash, and a gentle wind could scatter her like snow* (Gaiman, 2019, p. 374). / «Я не сомкнула бы глаз, пока принцесса не превратилась бы в пепел и легкий порыв ветра не развеял бы ее, как снег». Помимо черных глаз и белоснежной кожи принцессы, значительное внимание в описании уделяется ее сердцу какместилищу души. Оно живет своей жизнью: *the heart... had ceased to beat – her heart pulsing and beating once more* «ее сердце прекратило биться – ее сердце снова начало пульсировать и биться». Противопоставленные единицы *cease to beat – beat once more* «прекратило биться – снова начало биться» передают конечную и начальную фазы действия.

Родовое противопоставление волшебных персонажей поддерживается родовым пространственно-временным противопоставлением. Рассмотрение частных случаев пространственно-временных оппозиций временных отрезков (*day – night* «день – ночь», *light – darkness* «свет – тьма»), оппозиций по направлению движения (*come – leave* «приходить – уходить», *crawl out – vanish* «выползть – скрываться»), оппозиций по положению в пространстве (*in front of them all – in a secluded nook* «перед ними всеми – в укромном уголке», *the folk of the forest – the folk of the town* «жители леса – горожане») позволяет сделать вывод о разнообразии языковых средств, образующих узуальные, контекстуальные и потенциальные противопоставления.

Результаты проведенного исследования средств актуализации противопоставлений обобщены в виде диаграммы (Рис. 1).

Средства актуализации противопоставлений

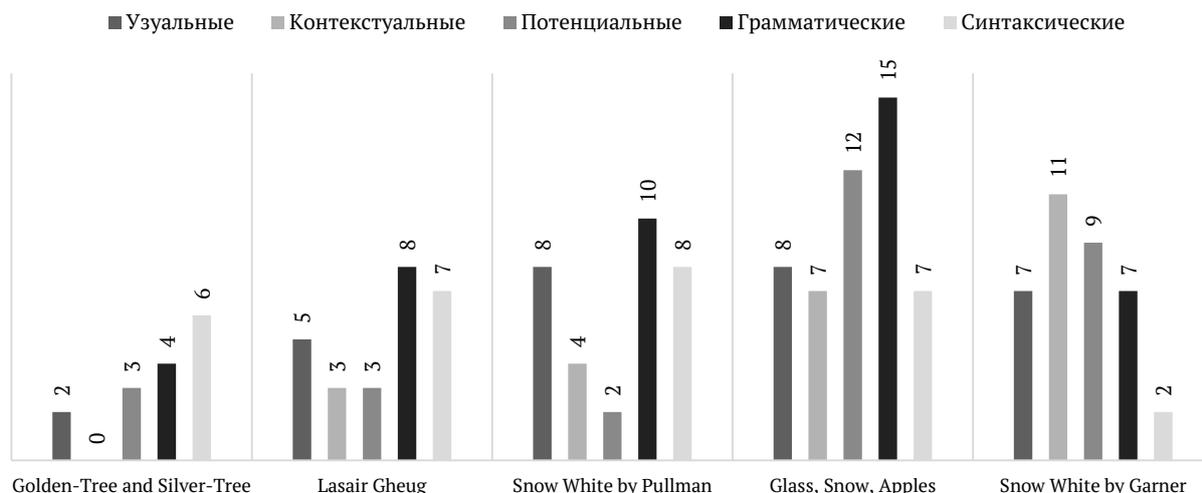

Рисунок 1. Средства актуализации противопоставлений в рассмотренных текстах

Как следует из приведенных данных, значительная доля противопоставлений в текстах сказок приходится на долю грамматических оппозиций, реализующихся за счет противопоставленных антонимичных морфем, служебных слов, видовременных форм и форм наклонений. Контекстуальные и потенциальные оппозиции, возникающие благодаря антонимическому контексту, в большей степени свойственны литературным версиям сказок, тогда как народные сказки и версия, наиболее близкая к ним, в большей степени опираются на узуальные лексические, грамматические и синтаксические противопоставления.

Результаты проведенного исследования типов оппозиций представлены в виде диаграммы (Рис. 2).

Соотношение родовых типов противопоставлений

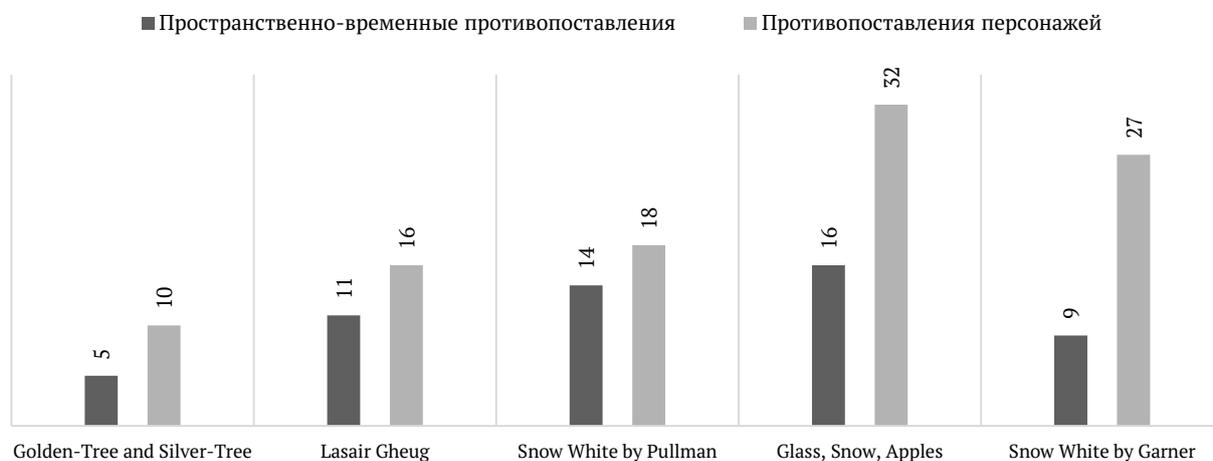

Рисунок 2. Соотношение родовых типов противопоставлений в рассмотренных текстах

Как свидетельствуют полученные данные, противопоставления изменяющихся внешности, состояния и поведения персонажей преобладают над противопоставлениями отрезков времени, местоположения, направлений движения. Предположительно, такие результаты объясняются свойственной сказочному тексту антропоцентричностью: в центре внимания героиня, пусть даже и изображенная достаточно плоско, время и место событий обозначаются обобщенными единицами *one winter's day* «однажды зимним днем», *once upon a time* «давным-давно», *there* «там», *at home* «дома».

Анализ антонимических контекстов позволил определить соотношение контактного и дистантного расположения противопоставленных единиц (Рис. 3).

Результаты исследования подтверждают значимость категории оппозиции для обеспечения связности и логичности сказочного повествования. Отличия касаются использования оппозиций с дистантным расположением антонимов: в народных сказках контактное и дистантное расположение антонимов сопоставимо, тогда как авторы значительно переработанных литературных версий отдают предпочтение контактному расположению антонимичных единиц.

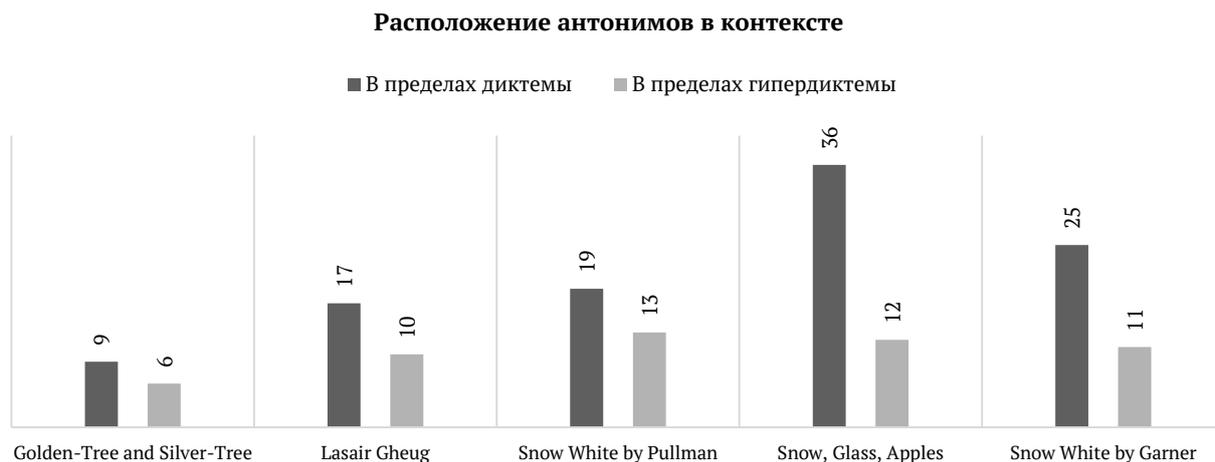

Рисунок 3. Соотношение контактного и дистантного расположения антонимов

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) чем значительнее трансформируется сюжет народной сказки, тем больше образных средств для описания героев и их поведения задействует автор, прибегая к нестандартным контекстуальным и потенциальным противопоставлениям;

2) в народных сказках использование оппозиций на гипердиктемном уровне встречается чаще, чем в литературных версиях, что, вероятно, объясняется желанием авторов сделать контрастные изменения во внешности, состоянии или поведении героев более очевидными;

3) в выбранных для исследования текстах контраст основан на противопоставлении персонажей, мы воспринимаем их как протагониста и антагониста, однако оппозиций, в которых они противопоставляются друг другу, сравнительно немного, чаще противоположными оказываются изменения в облике, состоянии и поведении каждой из героинь.

Перспективы исследования мы видим в возможности сопоставления корпусов оппозиций, представленных в народных и литературных сказочных текстах на нескольких языках, а также применении оппозиционного метода для анализа текстов иных жанров.

Источники | References

- Алехина А. И. Идиоматика современного английского языка. Мн.: Высшая школа, 1982.
- Альгави Л. Феномен трансмедиа // Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации: коллективная монография / под ред. Л. П. Шестеркиной, Л. К. Лободенко. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020.
- Богатырева Ж. В. Сказка как отражение духовных потребностей общества: традиции и трансформации в современном социальном пространстве // Kant. 2019. № 3 (32).
- Боева-Омелечко Н. Б. Лексическая, грамматическая и текстовая антонимия в современном английском и русском языках. Избранные труды. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2013.
- Захарова А. С., Олянич А. В. Знак-мифологема "fish/рыба" в англо- и русскоязычной ихтиосферах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1 (17).
- Краснов А. Е. Семантические типы лексической противоположности: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1987.
- Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: введение. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Львов М. Р. Толковый словарь антонимов русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2021.
- Меркурьева В. Б., Чебаненко Е. В. Современная немецкая авторская сказка: тематическая динамика и языковые доминанты // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 1.
- Новиков Л. А. Избранные труды: в 2-х т. М.: URSS, 2001. Т. 1. Проблемы языкового значения.
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: МИФ, 2023.
- Соловьева Н. В. Оппозитивность как текстообразующая лингвистическая категория: монография. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: ИИУ МГОУ, 2019.
- Цикушева И. В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1.
- Bruhn de Garavito J., Schweiter J. W. Introducing Linguistics: Theoretical and Applied Approaches. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Cruse A. Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2011.

16. Jacobs J. *Europa's Fairy Book*. Glasgow: Good Press, 2019.
17. Jones S. *Antonymy: A Corpus-Based Perspective*. N. Y.: Routledge, 2003.
18. Opie I., Opie P. *The Classic Fairy Tales*. N. Y.: Oxford University Press, 1980.
19. Zipes J. The Meaning of Fairy Tale within the Evolution of Culture // *Marvels & Tales: Journal of Fairy-Tale Studies*. 2011. Vol. 25. No. 2.

Информация об авторах | Author information

Соловьева Наталия Владимировна¹, д. филол. н., доц.

¹ Московский технический университет связи и информатики

Nataliya Vladimirovna Solovyeva¹, Dr

¹ Moscow Technical University of Telecommunications and Informatics

¹ natavs@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.04.2024; опубликовано online (published online): 30.05.2024.

Ключевые слова (keywords): народный сказочный текст; литературный сказочный текст; категория оппозиции; тип оппозиций; антонимический контекст; антонимичная языковая единица; folk fairy tale text; literary fairy tale text; category of opposition; type of oppositions; antonymic context; antonymic linguistic unit.